

Станешь моей сейчас

Автор:

Дэни Коллинз

Станешь моей сейчас

Дэни Коллинз

Гарем - Harlequin #42

После смерти Эйджаза, наследного принца Бааки, трон должен занять младший брат, принц Акин, главнокомандующий вооруженными силами страны. Но тут выясняется, что у Эйджаза есть еще не родившийся ребенок, которого носит американка Ханна Микс, одинокая и закомплексованная университетская библиотекаряша.

Дэни Коллинз

Станешь моей сейчас

Innocent in the Sheikh's Palace

© 2020 by Dani Collins

«Станешь моей сейчас»

© «Центрполиграф», 2022

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2022

Глава 1

Автомобильное движение в Нью-Йорке даже по воскресеньям было таким же плотным, как в будние дни. Езду затруднял еще и ледяной дождь и гололедица. Сегодняшняя погода располагала к тому, чтобы сидеть дома. Бабушка Ханны Микс говорила, что такая погода «хороша, если ты утка». Только сейчас утки были достаточно умны, чтобы не вылезать из своих гнезд.

Однако у Ханны не было выбора. Клиника настаивала, чтобы она приехала к десяти, и даже предложила выслать за ней машину, если она не сможет доехать на своей. Ханна не представляла, чем вызвана такая срочность. Она вовремя оплатила все взносы, и ее беременность протекала без осложнений.

Пока она набирала код на въезде на территорию клиники, ее рука успела заledenеть. Холодный дождь усилился, и «дворники» уже не справлялись с потоками воды. Оглядываясь, она поискала парковочное место поближе к крыльцу здания. Ей повезло. Она приткнула машину справа от лестницы, заняв почти два места. Она не стала выравнивать свой седан, так как ей нужно было пространство, чтобы пошире открыть дверцу – иначе как бы она вылезла из машины с большим животом.

Глянув на себя в зеркало, Ханна вздохнула. Она редко делала себе макияж, а до того момента, когда можно будет сменить брэкеты на ретейнер, оставалось еще несколько месяцев. И с чего это она решила, что короткая стрижка – хорошая идея? Она совсем не подходит для ее вьющихся волос. Сколько она ни распрямляла волосы, они все равно закручиваются на кончиках. И сейчас она похожа на шестилетнюю девчонку, которая сначала кухонными ножницами обрезала себе волосы, а потом напялила бабушкины очки в роговой оправе.

Ханна надела шапку, натянула перчатки, застегнула куртку и положила в сумку телефон и ключи. Стекло водительского окна уже начало запотевать. Она попробовала открыть дверцу и обнаружила – вот дела! – что она примерзла. Ну и что делать?

Ханна нащупала в сумке телефон, намереваясь позвонить в клинику и попросить о помощи, но в этот момент слева от крыльца припарковался внедорожник. С пассажирского места выскочил мужчина, раскрыл зонтик и распахнул заднюю дверцу. После того как из машины вылез еще один мужчина, первый захлопнул

дверцу, и они быстрым шагом пошли к крыльцу.

Ханна несколько раз нажала на гудок и резкими движениями протерла стекло.

- Помогите! - закричала она. - Прошу прощения! Вы можете мне помочь?

Она услышала, как один из мужчин что-то спросил на языке, очень похожем на арабский. Оба были в шерстяных пальто и без головных уборов, у обоих была смуглая кожа, черные волосы и аккуратная короткая борода.

- Мне нужна помощь! - еще громче закричала она. - У меня дверь не открывается.

«И мне еще десять минут назад надо было в туалет. Катастрофа, господа».

Тот, который держал зонтик, что-то сказал, но другой решительно забрал у него зонт, в котором не было никакого смысла, так как резкий порыв ветра в одно мгновение вывернул его. Мужчина вернул его своему спутнику, подошел к машине Ханны и наклонился к очищенному от тумана пятну на стекле.

У нее сжалось сердце - то ли от удивления, то ли от тревоги, то ли от страха. А может, от проблеска желания?

Мужчина хоть и хмурился, но был красив. Под пальто виднелся темно-синий костюм, явно сшитый у хорошего портного. Что тут странного - ведь клиника обслуживает только очень богатых. Сама она попала в нее на благотворительной основе, после того как оказала крупнейшую услугу жене одного человека из руководства клиники.

- Что у вас случилось? - спросил мужчина.

- У меня дверь примерзла. Я не могу выбраться! - Она несколько раз подергала за ручку и плечом надавила на дверь.

Мужчина попытался открыть дверь снаружи, но безуспешно. Тогда он обошел машину, сильно дергая за ручки других дверей. Ни одна не открылась.

Он что-то сказал своему спутнику, боровшемуся с зонтиком, наклонился к водительскому окну Ханны и спросил:

– А у вас, случайно, не заблокированы двери?

«О господи», – подумала она. Ей захотелось провалиться сквозь землю. Она нажала кнопку и услышала, как щелкнул центральный замок.

Ее так и не состоявшийся спаситель открыл дверцу и помог ей выбраться на пронизывающий холод. Все это он проделал с бесстрастным выражением на лице.

– Простите меня, пожалуйста. – Интересно, он слышал о том, что у беременных может поехать крыша? – Я совсем забыла, что заблокировала двери. Знаете ли, я боюсь, что на светофоре в машину может запрыгнуть угонщик.

Он не знал о такой опасности. Любому угонщику было достаточно одного взгляда на него, чтобы понять: к нему соваться не надо.

Мужчина продолжал смотреть на Ханну с выражением утомленного пренебрежения, а ветер тем временем играл его короткими густыми волосами. Глупый ветер: ничто не могло лишить этого человека невозмутимости.

Он перевел взгляд на огромный живот Ханны и подал ей руку.

– Я сама, – отказалась она, неуклюже закидывая на плечо ремешок сумки и прикидывая, как бы добраться до крыльца и не поскользнуться.

– Вы уверены? – с сарказмом осведомился мужчина. – Дайте мне руку. Я не хочу нести ответственность за то, что позволил женщине в вашем положении упасть на этом катке.

– Спасибо. – Ханна оперлась на его руку, ее сердце снова пропустило удар.

Она ожидала, что его ладонь будет мягкой, однако рука оказалась мозолистой и невероятно сильной. Чувствуя себя неловко, она с грацией новорожденного бегемота сделала шаг и одарила своего спутника нервной улыбкой. Ответной

улыбки не дождалась. Судя по его лицу, она не вызывала у него ни малейшего интереса, и он спешил поскорее довести ее до клиники и расстаться с ней.

К ним присоединился мужчина с зонтиком. Ханна решила, что из двоих главный тот, на чью руку она опирается. Тот же, что с зонтиком, рванул вперед, чтобы закрыть дверцу ее машины. Из внедорожника выскочил третий мужчина и взбежал на крыльцо. Сработал датчик, и двери клиники разъехались.

– Вы самый настоящий герой, – сказала Ханна, взбираясь по скользким ступенькам.

Мужчина с зонтиком тщетно силился закрыть своего патрона от дождя, но тот что-то бросил на арабском и отмахнулся от него.

Они прошли через первые двери, и Ханна, с облегчением выдохнув, когда под ногами почувствовала ковры, выпустила руку своего рыцаря и устремилась вперед. Поравнявшись с регистратурой, она бросила: «Ханна Микс» – и скрылась в дамской комнате, где не раз бывала в свои прошлые визиты.

Несколько минут спустя, ощутив комфорт и успокоение, она попыталась немного поправить свой внешний вид. Дело оказалось гиблым. Из-за шапки тонкие каштановые пряди наэлектризовались и торчали во все стороны, образуя нимб вокруг ее лица с красным от холода носом.

К счастью, подумала Ханна, когда она выйдет из дамской комнаты, ее спасителя в коридоре уже не будет. А вот если бы она снова столкнулась с ним, она бы предложила ему свои услуги по проведению какого-нибудь сложного исследовательского проекта. Проведение исследований – это был ее единственный профессиональный талант, востребованный на рынке, и она его успешно применяла, занимая должность университетского библиотекаря. Интересно, спросила она себя, кто ее рыцарь? И кто те двое других, что были с ним? Похоже, телохранители. Судя по многим признакам, он богат, поэтому неудивительно, что ему нужна защита. Но зачем он пришел в репродуктивную клинику? Чтобы сделать пожертвование?

Ханна посмеялась над собственным предположением и решила больше не думать о незнакомце. Он сам наверняка уже давно забыл о ней. Что тоже неудивительно. В том, что ее легко забыть, она убедилась примерно год назад,

когда случайно столкнулась с молодым человеком, который в первый год ее учебы в университете лишил ее девственности. Она окликнула его по имени, и он тупо уставился на нее, пораженный этим. Униженная, она отговорила тем, что они якобы познакомились на факультетском мероприятии.

Игнорируя душевную боль, навеянную воспоминанием, Ханна натянула на живот толстый коричневый свитер, однако он тут же задрался вверх и открыл на всеобщее обозрение черную майку, заправленную под эластичную вставку джинсов для беременных. Просто класс.

Ханна была не из тех женщин, которые расцветают во время беременности и чей живот кажется аккуратным, размером с мускусную дыню. Нет. Ее живот был размером с мяч для йоги, а попа – с развозной грузовик; грудь уже не уместилась в чашках бюстгалтера. Ее фигура, прежде изящная, с тонкой талией, стала напоминать яйцо. Не добавляли ей привлекательности и туристические ботинки – Ханна не переобулась после того, как заехала к бабушке на кладбище. Эта обувь как нельзя лучше подходила для того, чтобы бродить между надгробиями и читать надписи, но при этом напрочь лишала женщину красивой осанки и грации.

«У тебя девочка, – сказала бы бабушка. – Девочки крадут красоту матери».

Ханна вздохнула, сожалея о том, что бабушка не увидит своего праправнука. Хотя бабуля, сказала она себе, вряд ли одобрила бы тот способ, каким забеременела ее внучка.

В двадцать пять Ханна перестала ждать прекрасного принца. Она никогда не обладала красотой, которую можно украсть. Мальчики поступали с ней жестоко, мужчины легко забывали о ней. Даже продавщицы не замечали ее и не бежали к ней с вопросом: «Вам помочь найти свой размер?»

Ханна давно превратилась в стереотип библиотекарши – старой девы. Однако в какой-то момент она решила взять будущее в свои руки. Она всегда хотела иметь семью и не сомневалась в том, что детям будет безразлично, кривые ли у нее зубы, веснушчатая ли у нее кожа, сколько у нее лишних килограммов и насколько сильная у нее аллергия. Да, быть матерью-одиночкой непросто, но это все равно легче, чем быть одинокой.

Впервые в жизни она взглянула на свое будущее с оптимизмом. С радостью и уверенностью в успехе.

Ханна прекратила с горечью рассматривать свое отражение и вышла из туалета. У регистратуры ее уже ждала медсестра.

Наследный принц Бааки, шейх Акин бен Раджу бен Дагар аль-Шарраф, всеми силами пытался отмахнуться от того, во что трудно было поверить, но он вряд ли с таким успехом командовал бы вооруженными силами своей страны, если бы отказывался признавать очевидное. Его всегда отличали острый ум и умение распознавать и сглаживать мелкие конфликты до того, как они перерастали в войну.

Факты, которые он собирал в последние несколько дней, предрекали только один исход, катастрофический и взрывоопасный. Это обстоятельство выводило его из себя, и он искал иные объяснения, хотя в глубине души знал, что зря тратит на это время. Образец спермы куда-то пропал, и ради срочной встречи с руководством клиники ему пришлось оставить больного отца.

Вместе с медсестрой Акин ждал, когда беременная выйдет из дамской комнаты в коридор. Странная женщина. Пребывая в счастливом неведении относительно тяжести того положения, в котором они оказались, она открыла свой полный металла рот и заявила: «Спасибо за вашу помощь». Его телохранители очень встревожились, когда она начала гудеть и звать их. Он же догадался обо всем, едва увидел, как в клинику к назначенному часу прибыла одинокая женщина. И знал, что следующие несколько минут проделают зияющие бреши в его жизни. Он знал это наверняка.

Когда она снова появилась в коридоре, впечатление Акина о ней не изменилось. Грузная, неуклюжая, она держала куртку на согнутой руке. На голове у нее было нечто напоминающее асимметричную стрижку панк, что совсем ее не красило. Круглое лицо казалось голым без макияжа, а очки в темной оправе превращали ее глаза в коричневые бусинки. Ее губы были сжаты в тонкую линию – вероятно, предположил Акин, таким образом она привыкла прятать свои зубы.

– Здравствуйте, Ханна, – поприветствовала ее медсестра. – Доктор Питерс сейчас примет вас.

Ханна одарила Акина еще одной нервной улыбкой. Он отдал короткие приказы Омиду. Омид кивнул и достал телефон.

Ханна пошла по коридору. Акин двинулся за ней. Она оглянулась и озадаченно посмотрела на него.

- Вы здесь работаете?

- Нет, - ровным голосом ответил он.

- Тогда зачем...

- Мы пришли. - Медсестра постучала и толкнула дверь кабинета.

Доктор Питерс встал и приветствовал вошедших сдержанным кивком. От напряжения его лысина покрылась испариной и блестела. Дрожащими руками он разгладил лацканы белого халата и сделал шаг к Акину, намереваясь обменяться с ним рукопожатием. Однако Акин остановил его коротким жестом, давая понять, что нечего тратить время на ненужные любезности.

- Ваше королевское высочество, - доктор слегка поклонился, - вы уже познакомились с мисс Микс?

Мисс, не миссис. Может, хоть тут повезло? Акин лихорадочно обдумывал свои следующие шаги.

- Зачем так официально? Называйте меня просто Ханной. А вы, значит, королевское высочество? - Ханна в замешательстве переводила взгляд с одного мужчины на другого. Щелчок двери, закрывшейся за медсестрой, заставил ее вздрогнуть.

- Шейх Акин Шарраф. - Так как им с Ханной предстояло познакомиться поближе, он представился упрощенным вариантом своего имени и избавил доктора от необходимости произносить его полное имя.

- Наследный принц Бааки, - поспешил ошеломить Ханну доктор.

– Разве? – осведомился Акин тем небрежным тоном, от которого у его генералов тряслись поджилки.

Доктор побелел.

– Я не понимаю, зачем мы здесь собрались, – в замешательстве спросила Ханна.

– Сейчас поймете. Присаживайтесь, – сказал Акин.

Доктор рухнул в свое кресло и дрожащими руками стал перебирать бумаги на письменном столе.

Опираясь на подлокотник, Ханна осторожно села в кресло для посетителей, Акин же остался стоять. Он сложил руки на груди, словно приготовившись защищаться от бомб, которые могли обрушиться на него в ближайшее время.

– Полагаю, вы нашли пропавший образец? – спросил он.

– Какой образец? – встрепенулась Ханна.

Акин пришел к выводу, что она не утратила полностью способность к дедукции. Ее руки так сильно сжали подлокотники, что побелели костяшки. Она подалась вперед, готовая в любой момент вскочить на ноги.

Доктор Питерс шумно втянул в себя воздух и устремил на Акина долгий и полный раскаяния взгляд. Поняв, что взгляд на гостя не подействовал, он сглотнул.

– Чтобы ввести вас, мисс Микс, в курс дела, хочу сообщить, что брат шейха Акина...

– Скончавшийся наследный принц, – перебил его Акин.

– Да. Гм... Наследный принц Эйджаз был нашим пациентом. К сожалению, в марте он потерпел поражение в долгом сражении с раком. Перед началом лечения он отдал нам на хранение шесть образцов своей спермы – он надеялся, что останется в живых и женится, и решил позаботиться о том, чтобы у него

была возможность произвести на свет наследника.

Почему Эйджаз выбрал нью-йоркскую клинику, оставалось загадкой. Вероятно, потому, что диагноз ему поставили именно здесь. Или из соображений удобства. Теперь же выяснилось, что клиника, прославившаяся своей великолепной репутацией, отнюдь не безупречна.

– Сочувствую вашей потере, – совершенно искренне сказала Ханна, – но я полагаю, что это печальное событие не имеет ко мне никакого отношения, – уверенно закончила она, отменяя все возможные выводы.

Она снова откинулась на спинку кресла и съежилась, словно защищаясь от неизбежного.

– Недавно монаршая семья приняла трудное решение уничтожить образцы. В настоящее время признанным наследником... – доктор откашлялся, – является принц Акин.

Акин никогда не стремился взять на себя функции правителя, несмотря на неудачи отца и на полное отсутствие способностей у брата. И давно перестал переживать из-за того, что к нему относились как к «запасному». Необходимость принять на себя обязанности правителя вызвала у него лишь тоску, однако он все же начал готовиться к этому. И вот сегодняшняя встреча грозила снова задвинуть его в тень.

Ханна, хмурясь, смотрела на него так, будто видела его насквозь и понимала, какую бурю чувств он так тщательно скрывает.

– В ходе выполнения нашей задачи обнаружилось, что в банке имеется лишь пять образцов, – продолжал доктор Питерс.

Ханна перевела взгляд на него, облизнула губы и, тщательно подбирая слова, спросила:

– Вы просите меня применить упорство и настойчивость, присущие всем библиотекарям, и помочь вам найти его?

– Прошу вас, мисс Микс, давайте перестанем шутить. Дело крайне важное. – Доктор с ужасом покосился на Акина. – У нас есть образец крови, что вы сдали в прошлом месяце для нашей исследовательской базы данных. Мы использовали его для анализа ДНК, и он подтвердил, что образец принца Эйджаза был использован для того, чтобы произвести вам искусственное оплодотворение. Я очень сожалею.

Хотя Акин ожидал именно этого, он все же чертыхнулся. Ругательные слова громко и отчетливо разнеслись по маленькому кабинету. Однако он не извинился. Его мозг принялся анализировать различные варианты развития событий и строить планы, нацеленные на защиту флангов.

Ханна лишь недоверчиво фыркнула:

– Вы сожалеете? О чем? Раньше я не знала имя донора, а теперь знаю. Это будет полезно, если в будущем возникнут проблемы со здоровьем. Только ничего не изменилось. У меня есть ребенок, которого я хотела, и я совсем об этом не сожалею.

Акин не мог не восхититься ее напускной храбростью. По тому, как дрожал ее голос, он догадался о том, что она ни в чем не уверена, что она отлично понимает: реальность бесповоротно изменилась. Однако она делала вид, будто у нее все еще есть какой-то выбор. Будто она остается независимой.

– Когда вы должны родить? – спросил он.

Она вздрогнула. Он сообразил, что говорит с ней тоном, каким обычно отдавал приказы молодым солдатам. Ни один из его подчиненных не рискнул бы отказать ему в ответе, она же упрямо выпятила подбородок и сжала губы, словно нежелание отвечать на его вопрос могло помочь ей оставить ребенка при ней.

– Через шесть недель, – ответил доктор Питерс, заглянув в лежащую перед ним карту. – Двадцать девятого декабря. Пол ребенка... мужской. Мои поздравления. – Он улыбнулся Ханне. – Беременность протекает нормально.

– Чем вы тут занимаетесь, черт побери! Я же ваш пациент! – возмутилась она. – Я его не знаю. – Она указала на Акина. – Я не давала вам разрешения сообщать

ему конфиденциальную информацию обо мне. Я даже не хотела знать пол ребенка. Вы что, полностью отказались от профессиональной этики и решили перевоплотиться в клоуна?

Точно подмечено, одобрительно подумал Акин. Ведь врач действительно ведет себя, как клоун.

Тем временем доктор Питерс продолжил:

– Мы понимаем, как это печально для вас, и берем на себя всю ответственность. Наши юристы уже уведомлены и возьмут на себя труд выработать справедливое соглашение для вас двоих.

– Как это по-американски, – саркастически заметил Акин. – Бросить юристов и деньги на то, чтобы избавиться от проблемы.

Клиника лишь выплатит более высокую страховую премию за халатность, но ее репутация не пострадает. Она только выиграет. Женщины выстроятся в очередь в надежде на шанс забеременеть от монаршей спермы. Что бы ни случилось с семьей Акина, вся эта история приведет к тому, что благосостояние и так небедных хозяев клиники вырастет, а никакой существенной компенсации никто не получит.

Им же с Ханной придется всю жизнь расхлебывать последствия.

– И все же я хочу знать, как это произошло? – спросил Акин.

– Сотрудников клиники начал косить грипп. Заболели и врач Ханна, и многие ключевые сотрудники. Дело в том, что мы предпочитаем не просить женщину подождать, если она уже подготовилась к процедуре. У нас очень плотный график, поэтому мы привлекли интерна...

– Все ясно, – оборвал его Акин, которому надоело слушать историю о полнейшей некомпетентности персонала клиники.

– Не знаю, будут урегулированы претензии или нет, но я не намереваюсь сдавать очередные образцы. – Ханна положила дрожащую руку на живот. – Так

что никаких вопросов нет: этот ребенок мой.

Умно. Честное слово.

- Ей безопасно путешествовать? - спросил Акин.

- Если будут приняты соответствующие меры предосторожности. - Доктор платком вытер бусины пота со лба и робко посмотрел на Ханну: - Медсестра ждет, чтобы проводить вас.

- Куда? - Ханна ущипнула себя за руку. - Я бодрствую? Или я поскользнулась и впала в кому?

- Ханна, семейство Шарраф - очень состоятельное и могущественное. Я рекомендую вам сотрудничать... - начал доктор, но она перебила его.

- Нет, - отрезала она и встала, хоть и с трудом. - Мне плевать, что там накосячил ваш интерн и сколько денег у семьи вашего почившего пациента. Это мой ребенок. Не ваш, поэтому вы не имеете права его кому-то передавать. И не его. Я еду домой. Я выпью ромашкового чая и лягу спать. А когда проснусь, выяснится, что все это мне приснилось.

- Принц Эйджаз не давал разрешения на использование его спермы, - сказал доктор Питерс в поспешной попытке урезонить ее. - Если бы вы не уехали, мы бы настояли на прерывании...

- Даже не думайте!

Одной рукой прикрыв живот, Ханна другой хлопнула по письменному столу. Вид у нее был такой, будто она сейчас перепрыгнет через стол и вцепится врачу в глотку. Акин впервые видел, чтобы лицо женщины было столь грозным. Ее решительная реакция вызвала у него искреннее уважение.

- Доктор ошибается, - вмешался он. - Прерывание - не вариант. Ваш сын - следующий правитель Бааки. Это непреложный факт, на какой бы стадии беременности вы ни находились. Я готов умереть за него, для меня это почетный долг.

Ханна выпрямилась и с сомнением посмотрела на него.

- В этом не будет надобности.

- Вы этого не знаете, мисс Микс, - усмехнулся он. - Будущее непредсказуемо, о чем свидетельствуют нынешние обстоятельства. Ведь всего час назад никто из нас не ожидал, что наша судьба выкинет вот такой фортель. Не так ли?

- Моя судьба не изменилась.

- Она кардинально изменилась, - возразил он, вдруг испытав сочувствие к ней. - Наши правители, мисс Микс, должны появляться на свет в Бааки. Следовательно, вы едете со мной. Вы можете оставаться у нас в качестве гостыи и окружить мальчика любовью и заботой, но жить он будет там.

- У меня встречное предложение. Попросите доктора Питерса дать вам направление к психиатру, потому что вы явно не в своем уме. Прощайте.

Глава 2

Ханну трясло так, что она едва не падала. Идя по коридору, она опиралась на стену и с трудом передвигала вдруг ставшие свинцовыми ноги. Ее сердце бешено стучало, а перед глазами стоял туман.

Какая разница, кто отец. К такому умозаключению она пришла, когда решилась на искусственное оплодотворение. Ей хотелось только одно го: чтобы донор спермы был здоровым. До сегодняшнего дня незнание, кто отец, делало ее счастливой. Это означало, что ребенок полностью принадлежит ей. Что никто не будет мешать ей - ни отец-бездельник, ни злобная свекровь. У нее сложились очень доверительные отношения с бабушкой, и она надеялась, что ей удастся построить точно такие же отношения с ребенком.

Господи... Тот тип с зонтиком размножился до шестерых. Все были одеты в темно-серые костюмы с черно-серебристыми полосатыми галстуками. Двое стояли в коридоре у выхода из отделения, еще двое преграждали ей путь

наружу. Все смотрели мимо нее.

Принц, или шейх, или кто он там, этот Акин, практически наступал ей на пятки. Хотя она ни разу не оглянулась, надевая куртку, его присутствие довлело над ней, как грозовая туча, как сгусток энергии, приготовившийся вобрать ее в себя и придушить.

– Мисс Микс едет с нами в Бааки. Ей должно быть оказано всяческое внимание. – Он не прикасался к ней, но стоял так близко, что она чувствовала исходящее от него тепло.

– Никуда я с вами не еду!

Ханна посмотрела на стойку регистратуры, но там никого не оказалось. Какого черта! Врезать бы локтем этому Акину и побежать. Только она понимала: ей не прорваться через его команду регбистов.

– Дайте Омиду ключи и адрес. Он позаботится о том, чтобы отправить ваши вещи.

С Ханной еще никогда никто не разговаривал таким властным тоном, однако она обладала огромным опытом общения с шовинистами, женоненавистниками и просто хамами. Поэтому она расправила плечи – из-за чего ее живот еще сильнее выпятился – и без малейшего страха уверенно произнесла:

– Нет.

Что он сделает? Оглушит ее и тем самым подвергнет опасности ребенка, которого поклялся защищать?

– Ханна. – В его говоре слышались не только отзвуки его родного языка, но и британский акцент. – У вас большой срок, и вы очень уязвимы. Вы только что узнали шокирующую весть, поэтому я не обращаю внимания на ваше высокомерие, но прошу не принимать мою терпеливость за слабость. Благодаря вам она уже на пределе. Если вы хотите вступить в войну, давайте. Но победа будет за мной. Только это не принесет добра ни вам, ни мне. И особенно ребенку.

– А что, по-вашему, я должна делать? Подчиняться всем вашим приказам? – возмущенно спросила Ханна.

– Большинство именно так и поступают. И тогда все идет гладко.

Этот наглец даже не шутил.

– Давайте поговорим где-нибудь в более приватной обстановке, – предложил он.

Ханна не двинулась с места. Она не могла делать вид, будто все происходит не наяву, хотя ей этого очень хотелось. В ней поднималась паника, но она пыталась сохранить ясность мышления. Глаза обожгли горячие слезы, однако ей удалось сдержать их. Наверняка есть выход, который не перевернет всю ее жизнь, разве нет?

– Езжайте за мной в мою квартиру. – Она решительным шагом прошла мимо его охранников, вышла на крыльцо и замерла как вкопанная: все вокруг было засыпано толстым слоем снега, напоминавшего картофельное пюре.

Один из клонов стоял рядом с внедорожником Акина, готовый открыть дверцу, когда появится босс.

– Вам нельзя садиться за руль в такую погоду, – сказал остановившийся рядом Акин. – Езжайте со мной. Мои люди перегонят вашу машину.

– Я отлично доеду сама. Я умею водить машину, не так ли? – При этих словах она вспомнила, как забыла о блокировке дверей.

– Моя машина безопаснее. Мой водитель прошел курс обучения вождению в экстремальных условиях. Вы же уже убедились в том, что я веду себя по-рыцарски. Я помог вам выбраться из вашей машины и проводил вас до дверей, верно?

Это была главная ошибка ее жизни – обратиться к нему за помощью.

– Я не позволю вам уговаривать меня на что-либо, – предупредила Ханна.

– Вы не понимаете, что мы оказались в сложном положении. Для выхода из ситуации требуется обстоятельное обсуждение. – Он подал ей руку.

После секундного колебания Ханна оперлась на нее, спустилась по ступенькам и неуклюже забралась на заднее сиденье его внедорожника.

Он сел рядом и спросил:

– Включить подогрев сидений посильнее? – Потом он вытянул руку: – Ключи?

Для Ханны было большим облегчением, что не надо вести машину по заснеженной дороге. Она достала из сумки ключи, передала Акину и только после этого сообразила, что наделала.

– Я без них не попаду в свою квартиру.

– Они доберутся туда раньше нас.

Дверцы захлопнулись, и внедорожник тронулся в путь. Оглянувшись, Ханна увидела, как двое из охранников сели в ее машину, предварительно переложив сумку с ноутбуком на заднее сиденье. Она немного расслабилась и покосилась на Акина. Он держал телефон у уха и разговаривал на арабском.

На карте она смогла бы указать, где находится Бааки, но о государстве знала только то, что оно невероятно богато благодаря огромным запасам нефти и что в последнее десятилетие его сотрясали внутренние беспорядки. Конечно, наследный принц Эйджаз был известной личностью, причем не только потому, что отличался фотогеничностью и прославился как плейбой, который имеет миллионы онлайн-подписчиков, отдыхает в обществе красивых женщин и периодически становится участником того или иного сексуального скандала. Нет, он стал знаменит после того, как несколько лет назад, когда он застрял на Мальдивах, разместил в соцсетях капризный пост на тему «Проблем Первого мира». Потом этот пост превратился в мем.

«Мой тост с авокадо подгорел.

Ах, а маффин такой же, как в тот раз, когда ваш частный самолет сломался на Мальдивах».

Поэтому Ханне было трудно осознать, что именно этот человек оказался отцом ее ребенка. У нее в голове не укладывалось, что он – тот самый печально известный бабник. А его брат? Она даже не предполагала, что существует еще один принц Бааки.

Она достала телефон, намереваясь побольше узнать об этой стране, но Акин закрыл рукой экран.

– Давайте пока оставим все между нами.

– Я просто хотела поискать кое-какую информацию. – Она не добавила, что о нем, и убрала телефон в сумку.

Однако ей было приятно, что он решил, будто у нее есть близкие друзья, которым можно написать: «Отгадай, что со мной произошло». В ее списке контактов было немало номеров. Коллег, которые из вежливости приглашали ее на проводы на пенсию и вечеринки в честь грядущего рождения ребенка. Студентов, которые покупали ей латте в благодарность за то, что спасла их, найдя нужную книгу или другой важный документ. Она поддерживала дружеские отношения с некоторыми авторами, правда, эта дружба ограничивалась онлайн-чатами.

Только вот по-настоящему близких друзей у нее не было, как не было и толпы осаждающих ее поклонников. Раньше отсутствие подруг ей компенсировала бабушка. Но бабушка умерла, и Ханна, сдав их домик в Сиракузах в аренду и переехав работать в Колумбийский университет, в полной мере ощутила свое одиночество. Первый год после смерти бабушки дался ей с большим трудом. Она скатилась в бездну самоочернения. Закончился он тем, что она встречала Новый год в полном одиночестве, глядя в телевизор, где в тысячный раз шла старая комедия. Вот тогда она и решила: хватить ждать того, кто мечтает провести с ней остаток своих дней, и пора полюбить саму себя. Она составила список того, чего хочет от жизни. Список возглавляла «Семья», в него вошли и красивые зубы. Она постепенно вычеркивала один пункт за другим, постепенно улучшая свою жизнь, пока...

Ее жизнь обязательно станет лучше, попыталась заверить себя Ханна, прикладывая руку к животу в том месте, где малыш сучил маленькой ножкой.

Акин закончил телефонный разговор и абсолютно бесстрастным голосом произнес:

– Мои родители горят желанием познакомиться с вами.

Ханна догадывалась, что на самом деле все совсем не так. Пусть она не знала, как звучат ругательства на арабском, но она отчетливо слышала недовольные интонации его собеседника.

– Как я понимаю, вы не замужем, так как вы пришли одна на встречу, – продолжал Акин. – У вас есть партнер, с которым вы собирались воспитывать ребенка?

Ханна нахмурилась: ей не понравилось, как это прозвучало. Он словно давал понять, что с таким сценарием можно распрощаться. Первым порывом Ханна было ответить «да», однако интуиция удержала ее от глупых ошибок.

– Нет, – ответила она.

– А родственники?

– Мама умерла, когда я была маленькой. Отца я не знала, меня воспитывала бабушка. Она тоже умерла.

– Какой у вас был план? В какой области вы работали?

Опять все сказано в прошедшем времени. Она намеренно ответила так, будто ее планы не изменились. И ведь ее планы точно не изменились, сказала она себе.

– Я библиотекарь в Колумбийском университете. В конце этого месяца я уйду в годичный отпуск. Я поеду в Сиракузы и буду жить в том доме, где выросла. В последние годы я развивала онлайн-бизнес по проведению различных изысканий для авторов. Если дела пойдут хорошо, я смогу уйти из университета

и сидеть дома, пока малыш не пойдет в школу. Однако я не исключаю, что после отпуска я вернусь на работу или переведусь в какую-нибудь другую библиотеку. Я люблю, когда есть выбор.

- Нам всем это нравится, - сказал Акин, усмехнувшись.

Тут Ханна сообразила, что они все еще далеко от ее квартиры и вообще едут по мосту, ведущему в Нью-Джерси.

- Вы же сказали, что мы встретимся с вашими людьми в моей квартире!

- Я сказал, что они доберутся туда раньше нас. Мы туда не едем.

- Вы мне солгали! Вот так вы ведете дела? Я же тоже могу лгать. Пока я вам не лгала, но могу начать, - предупредила она.

Акин молчал. Он не двигался, его руки лежали на коленях. Наконец он кивнул:

- Ложь контрпродуктивна. Вы правы. Я больше не буду вводить вас в заблуждение.

- И вы рассчитываете, что я поверю вам после того, как вы похитили меня? Кстати, а куда вы меня везете?

- Мой личный самолет доставит нас в Бааки. С нами полетит наша медсестра. Я не могу доверять никому из этой клиники. План полета составлен так, что в экстренном случае мы сможем сесть в удобном месте.

- Я-то пошутила. А оказывается, что вы действительно похитили меня!

- Именно так.

Ханна аж задохнулась от возмущения. Что за наглость!

- Вы попросили меня не лгать, - без намека на сарказм сказал Акин.

– Я попросила вас отвезти меня домой.

– Знаю. Я понимаю, вы, Ханна, хотите жить вашей прежней жизнью. Но это невозможно. Вы носите следующего правителя моей страны. Моего племянника. Если вы думаете, что для меня это ничего не значит, вы глубоко заблуждаетесь.

Ханна вспомнила, что он недавно потерял брата, но тут же подавила поднявшееся в душе сострадание.

– Мне больше нравилось, когда вы лгали, – буркнула она.

– Поезд ушел.

Она пристально взглянула на него, гадая, действительно ли он так трепетно относится к ребенку.

– Вы скучаете по нему? По своему брату? – Это была проверка его желания быть откровенным. Сбросит ли он хоть на мгновение маску стоика и продемонстрирует ли человеческие эмоции?

– Скучаю, – после очень короткого колебания ответил он. – Но в настоящий момент я не желаю говорить о нем. – Он повернулся к Ханне. Его лицо было непроницаемо, но почему-то в его слова верилось.

Поддавшись порыву, Ханна взяла его руку, собираясь положить на свой живот.

– Почувствуйте, как пихается его сын.

Акин тут же напрягся и попытался выдернуть руку.

Вероятно, это было вопиющим нарушением протокола – дотрагиваться до него без разрешения. И вероятно, с ее стороны этот поступок был полнейшей глупостью. Однако от этого прикосновения у Ханны почему-то закружилась голова. Акин перевел взгляд на ее живот и прекратил сопротивляться.

– Подождите немного. – Она одной рукой накрыла его руку, а другую прижала к животу сбоку. – Не стесняйтесь. Поздоровайтесь с ним... Ой!

Акин охнул, когда почувствовал толчок.

– Больно?

– Как удар локтем в метро, – пошутила Ханна и только после этого сообразила, что у него нет опыта передвижения в общественном транспорте.

Продолжая смотреть на ее живот, Акин погладил то место, где ощутил толчок малыша.

Ни один мужчина не вызывал у Ханны сильных эмоций, во всяком случае, в сексуальном плане. В этом состояла еще одна причина, почему она обратилась за помощью в клинику. В том, как Акин погладил ее живот, не было ничего эротичного, но эта ласка пробудила в ней чувственный отклик. И собственная реакция поставила ее в тупик.

– У вас... гм... есть жена и дети? – спросила она.

– Нет. – Вероятно, он по голосу догадался о ее смущении, потому что быстро убрал руку. – А почему вы захотели родить ребенка без мужа?

– Я до сих пор хочу.

«Взгляни на меня, – мысленно добавила она. – И ты сразу увидишь почему. Я не нужна ни одному мужчине».

Она не забывала о том, что впереди сидят его подчиненные, которые тоже понимают английский, поэтому продолжила, понизив голос:

– Когда я поступила в университет, я встречалась с одним молодым человеком, но наши отношения ни к чему не привели. – Просто потому, что все молодые люди спешили перещеголять друг друга в своих похождениях или в учебе, и в их среде обман или измена ради достижения цели не считались чем-то зазорным. – Моей бабушке было много лет, и она нуждалась в помощи, поэтому у меня было мало времени для общения. После ее смерти я переехала сюда и ни с кем связь не поддерживаю, но мне очень не хватает семьи. Вообще-то эта беременность стала для меня даром небес и досталась практически бесплатно.

- То есть? - Акин удивленно посмотрел на нее.

- Одна из моих авторов замужем за доктором Питерсом. Однажды я в шутку сказала, что хочу детей, но что для этого нужно сначала найти мужа. Она ответила, что можно обойтись без мужа, и рассказала о клинике. И хотя в клинике был длинный лист ожидания и она была загружена выше крыши, меня включили в ее исследовательскую программу. От меня требуется периодически сдавать образцы крови и до конца жизни проходить обследования. Но я рада сделать свой вклад в науку, так что... - Она пожала плечами.

- Сдача образцов и обследования будут прекращены. Мой брат не давал своего согласия на то, чтобы превращаться в исследовательский проект. Не давал такого согласия и мой будущий король.

- Акин... можно вас так называть?

- Конечно.

- Я решила не спорить с вами по пустякам. Я позволю вам настоять на своем в этом вопросе, чтобы вы стали сговорчивее и шли на компромисс в более важных вопросах. Например, в том, что я не еду с вами в Бааки.

- Ханна, а вам известно, что я более десяти лет командую армиями? Победа в сражениях - это моя ежедневная работа. Так что вам вообще нет смысла спорить со мной.

Ханна с трудом сдержала всхлип. Она почувствовала нарастающую панику. Сев прямо, она собралась и приказала себе сохранять хладнокровие. Ведь битву за свою жизнь ей предстоит вести со всей возможной корректностью.

- Тогда, Акин, мне придется вступить с вами в войну. Представьте себя на моем месте. Вы уже привязались к малышу, потому что он напоминает вам о брате. А теперь подумайте, что чувствую я. Ведь он часть меня.

- Я все понимаю, - сказал он и замолчал, словно ожидая ее реакции.

Но Ханна не знала, что еще сказать. Она не сомневалась: на любые ее слова он найдет свои контрдоводы. От безысходности она лишь взмахнула рукой.

Акин кивнул:

- Вы начинаете понимать.

- Нет! Ничего подобного! Никто не знает, что это была его сперма.

- Я знаю. Мои родители знают. Вы знаете. У этого ребенка уже по рождению есть определенные права, и вы не можете мешать ему. Что вы собираетесь делать? Дождаться, когда ему исполнится восемнадцать, потом указать место на карте и сказать: «Вот это твое. Иди и правь»?

- Не надо мне читать лекции о моих правах, - возмутилась Ханна и повернулась к окну. Ее голос задрожал от бурливших в ней эмоций. - Когда я решила забеременеть, я поняла, что без мужчины все это гораздо проще. Отец ребенка не будет подрывать мой авторитет, мне не придется переживать из-за того, что Новый год он встречает с законной женой. Я не жду ничего особенного от жизни. Мне будет достаточно моей маленькой семьи. Состоящей из меня и моего ребенка. Может, когда-нибудь к нам прибавится золотая рыбка или котенок. И у меня есть право обеспечить моему ребенку ту жизнь, что я запланировала. Хорошую жизнь.

- Я с вами не спорю. Во многом такая жизнь хороша. Я даже завидую тому, что вы жили просто. Но в данном случае, Ханна, все гораздо сложнее. Мы с вами должны позаботиться о большем благе для малыша.

- О? - хмыкнула она. - И на какую же жертву вы готовы пойти ради этого?

- Я, как и вы, свяжу себя узами брака с совершенно незнакомым человеком. Я стану отцом, хотя и меньше всего ожидал этого.

- Что? Нет. - Она схватилась за ручку двери.

Бросок Акина был быстрым, как у гремучей змеи. Он прижал Ханну к сиденью и схватил ее за руку. Хотя Ханна не могла пошевелиться и высвободить

запястье из его цепких пальцев, она обратила внимание на то, что он обращается с ней очень бережно.

– Я же предупредил, что буду защищать этого ребенка. Даже от вас, Ханна, если дойдет до этого. Дайте мне слово, что не будете совершать глупости.

– Нет. – Она заморгала, чтобы прогнать злые слезы, туманившие зрение. – Мы с вами не поженимся. Я не собираюсь выходить замуж за незнакомого человека.

– Это же не навсегда. Зато наш брак пойдет на благо ребенку и – прошу прощения за то, что это звучит столь цинично, – поможет сгладить ситуацию в прессе.

– Просто ужас какой-то! – Ханна попыталась отстраниться от него.

– Ханна, это реальность.

Акин еще несколько мгновений удерживал ее – Ханна не сомневалась, что тем самым он хочет показать, кто тут главный, – затем убрал ее руку с дверной ручки, выпрямился и устремил на нее испытующий взгляд.

– Наш современный мир может принять то, что у незамужней женщины есть ребенок. Мой народ может принять даже то, что от монарха забеременела иностранка. А если оба варианта? Это уже посерьезнее... Полагаю, у меня есть основания верить, что вы сохраните конфиденциальность?

Ханна хмыкнула:

– Вы думаете, мне кто-нибудь поверил бы, если бы я рассказала?

– Справедливо.

Внедорожник остановился у трапа к частному самолету. Ханна вжалась в сиденье и стиснула ремень безопасности, готовая драться, если ее попытаются вытащить из машины и запихнуть в самолет.

– Оставьте нас наедине.

Его люди пулей выскочили из машины и замерли под падающим снегом.

– Мой отец по состоянию здоровья собирался отречься от престола в пользу Эйджаза. Но диагноз, поставленный брату, сделал это невозможным. После его смерти здоровье отца довольно быстро ухудшается. Здоровье матери тоже пошатнулось. Мы планировали, что я вступлю на престол после первой годовщины его смерти. И вот сейчас...

Акин взмахом руки обозначил то самое землетрясение, которое всего час назад перевернуло их жизни.

– Что сейчас? – Ханна еще крепче сжала ремень.

– Сейчас я буду править как регент, – без всяких эмоций продолжил он. – Пока мой племянник не достигнет того возраста, когда его можно будет короновать. Естественно, на мои плечи ляжет огромная ответственность, и я обрету большое влияние на вашего ребенка. В связи с этим вам следовало бы стать моим партнером. В противном случае вас воспримут как суррогатную мать, которой просто выплатят гонорар и отправят куда подальше.

Ханна охнула.

– Вы так говорите, будто я племенная кобыла! Но я забеременела исключительно потому, что у меня было настоящее желание иметь своего ребенка. У вас на него нет никаких прав. Вы хоть это понимаете? – Она почти кричала.

Акин остался бесстрастен и лишь покачал головой.

– Ханна, что вы собираетесь делать? Вы не можете отречься от его имени. Это может сделать только он сам через восемнадцать лет. Как вы собираетесь воспитывать его при сложившихся обстоятельствах? Ведь много из того, что вы планировали, уже невозможно. Вы отказываетесь готовить его к такому тяжелому испытанию, как управление страной? Расскажите мне, какие, по-вашему, у нас есть варианты.

Вот мерзавец, подумала Ханна, сидит тут и снисходительно таращится на нее, потому что знает: она у него в руках. У нее нет выбора. Никакого. Пусть она и

получит возмещение от клиники за эту ошибку, однако эта сумма не пойдет ни в какое сравнение с теми финансовыми ресурсами, которыми обладает он. Ей еще повезет, если он ограничится тем, что потащит ее в суд. Она никогда не имела удовольствия быть ответчиком, но знала, что время в судах измеряется веками, а услуги адвоката чрезвычайно дороги.

Ханне некуда было деваться, поэтому она сбежала единственным возможным для нее способом: спрятала лицо в ладонях. Она была умной женщиной, но ей так и не удалось придумать неоспоримый довод. И сейчас ей оставалось только держать в узде свой гнев.

– Я не хочу выходить за вас.

– Это просто формальность. Наш брак будет фиктивным.

Вот это сюрприз! Ханна разразилась истерическим смехом и вздрогнула, когда ощутила прикосновение теплой руки Акина. Подняв голову, она увидела, что он протягивает ей шелковый носовой платок.

– Я не плачу, – пробормотала она, высмаркиваясь. – Я просто пытаюсь спасти свою голову, чтобы она не взорвалась. Вы ведь тоже не хотите жениться на мне. Ведь так? – Она помолчала. – Ведь я совсем не такая, какую вы выбрали бы себе в жены, правда?

Долгое молчание Акина было для нее убийственным, однако в его лице было нечто, что позволило ей думать, будто он за маской бесстрастия борется с собственными демонами.

– Мне никогда не доводилось пользоваться роскошью выбора, когда дело касалось подобных вещей. А вот что до брата, то все рассчитывали, что он выберет одну из списка потенциальных невест, составленного моей матерью, и произведет на свет наследника.

– Уж больно все это бесчувственно, да? А где же любовь и влечение?

– И это говорит женщина, которая выбрала самый бесчувственный способ забеременеть! Успешный брак основывается на интересах, а не на чувствах. У

нас с вами есть общий интерес в человеке, который играет очень важную роль в жизни обоих. Так что брак – это для нас лучший выход.

– Но это же не ваш ребенок.

– Он все равно член моей семьи.

– Но... – Ханна заколебалась, но потом все же заставила себя заговорить, чтобы понять, как он представляет будущее: – Вы хотите иметь собственных детей?

– Мы сможем обсудить этот вопрос позже, если вы решите, что хотите еще детей.

– И что? Тогда наш брак перестанет быть платоническим?

– Как мы оба теперь знаем, отец больше не обязан присутствовать при зачатии его ребенка. – Он бросил сардонический взгляд на ее живот.

– Значит, у вас нет желания заниматься со мной сексом, – сказала Ханна, не считая нужным говорить обиняками. – А с другими людьми? Вы гей? – спросила она.

– Почему вы так решили? Нет, я нормальный мужчина, который нередко подолгу обходился без секса. Обойдусь и дальше. А вы?

– Тоже. – Ведь она носит ребенка, которого зачала без секса, не так ли?

– Вы планировали сидеть дома и работать на удаленке. Вы можете все это делать в Бааки.

Не все. Иногда нужно побегать. Но да, многое она может сделать в онлайн и по переписке с различными библиотеками и архивами.

А ведь у него получается! У него получается уговорить ее! И она уже успела устать от их войны, у нее нет сил противостоять его несокрушимой логике.

– Акин, я не могу просто так взять и уехать. У меня осталась работа...

– Все будет улажено. Мои люди закроют вашу квартиру и отправят ваши вещи. Вашему работодателю будет отправлено уведомление.

Его люди, наверное, уже приступили к этому, пока они тут разговаривают, подумала Ханна. Он быстро отсекает ее от прежней жизни и перекрывает ей путь назад.

– Что конкретно произойдет, когда я окажусь там? – Ханна ненавидела себя за то, что спрашивает об этом. Ее вопрос звучал так, будто она почти сдалась.

– Мы тихо поженимся. Сразу же. Потом об этом будет объявлено в прессе. Нам понадобится появиться на публике только после рождения ребенка.

– Прямо-таки мечта каждой девушки, – грустно усмехнулась она. – А я вот этого не хочу... – У нее так сильно сдавило горло, что ей пришлось замолчать.

– Знаю. – И почему у него в голосе столько сочувствия? Если бы он откровенно злобствовал, она могла хотя бы ненавидеть его. А сейчас в его тоне слышится та же мука, что и у бабушки, когда она делилась с ней печальными истинами. «Жизнь несправедлива. Мы не всегда получаем то, что хотим».

Ханна набрала в грудь побольше воздуха, намереваясь протестовать, но через секунду выдохнула. Она сдулась как воздушный шарик. Сдерживая слезы, она вдруг ощутила острую тоску по бабушке.

– Ханна, о вас будут хорошо заботиться. У вашего ребенка будет потрясающая жизнь.

– Но он будет не мой. – И ребенок не ее. И жизнь не ее. – Акин, я никогда вас за это не прощу.

Ханна с ужасом представила, что ее ждет. Она окажется в совершенно незнакомом месте и будет там абсолютно чужой, без знания языка и обычаев. Да, ее кое-чему научат, преподадут ей базовый курс хороших манер, однако она все равно не станет бриллиантом для Акина и его семьи. Люди вроде него не

знают, каково это для таких, как она. Да и не хотят знать. Ей придется прятать свои страдания точно так же, как во время учебы в школе, которая превратилась для нее в самый настоящий ад.

И как будут относиться к ее сыну, если окажется, что он не похож на херувима с картин Боттичелли?..

Она с осуждением посмотрела на Акина.

– Что? – осторожно спросил он, чувствуя в ней перемену.

Никто и никогда не посмеет задирать ее сына. Никто. Никогда. А если посмеет, то испытает на себе ее безудержный гнев.

Ханна еще не знала, как будет защищать своего сына в том мире, где они окажутся, но понимала: положение матери монарха дает ей достаточно власти, чтобы отражать атаки на ребенка.

– Если я поеду с вами, я хочу подписать брачный договор, который четко и ясно обозначит условия нашего брака и развода. В нем недвусмысленно должно обозначаться мое абсолютное право контролировать каждый этап воспитания ребенка. Если вы согласны на это...

– Согласен.

– Ловлю вас на слове. И никакого вранья, – напомнила она, указывая на него пальцем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/kollinz_deni/stanesh-moey-seychas

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)